

Изгой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Падей

Изгой

<https://litres.ru/74098788>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба не баловала Хвата и на подарки скупилась. С малых лет чужой среди людей. как быть, когда весь мир вокруг соткан из паутины лжи и злобы? как быть, если предадут самые близкие и родные люди? Или, что ещё хуже предательства, прикрываясь красивыми словами, творят с твоей помощью злодеяния. Как ты поступишь, если пришло время сделать выбор. И может так стать, что судьба всего мира будет зависеть от твоего выбора.

Александр Падей

Изгой

Глава 1

Хват открыл глаза, потянулся; с удивлением отметил, что колено не болит. Не совсем доверяя своим ощущениям, сел и осторожно закатал штанину. Никакого намёка ни на синяк, ни на ссадину. Всё ещё опасаясь, он осторожно встал и выбрался из шалаша. Подпрыгнул вверх, мягко приземлился и закричал во всё горло, радуясь молодой и задорной энергии, переполнявшей тело.

– Эге-гей!

Черноволосая растрёпанная головка показалась тут же. Ильсура глядела на него с недоумением.

– Ну и что мы так орём? Дикарь!

Хват, застыв на месте, ошеломлённо смотрел на неё. Он понимал, о чём говорит девушка.

– Почему – дикарь? – пробуя слова на вкус, не нашёлся сказать что-нибудь поумнее.

И рассмеялся, наслаждаясь произведённым эффектом. А эффект был. Ильсура смотрела на него снизу-вверх, глуповато приоткрыв рот. Стоит отдать ей должное, продолжалось это недолго. Девушка быстро справилась с изумлением, встала и, нагнав на лицо холоду, заговорила, мерно отпуская ле-

дяные слова:

– Ну и как это стоит понимать? Ты дурачил мне голову, прикидываясь немтырём? И кто твой Альба? Подожди, ведь ты осквернил ПСА, сняв с него первородные доспехи! Кто ты? Человек, у которого нет ничего святого? Ты одержимый?

– Подожди, не так быстро, – попытался остановить поток слов Хват, – что значит, осквернил пса? Что значит, нет ничего святого? Я тебя защищал. Забыла? И никакой я не одержимый, я такой же человек, как и ты.

– Как и я! Глупенький. Я – Ильсура, дочь Фархада. А ты кто? Чей сын? Ты сын раба? Оборванец!

– Что значит, сын раба? Я не знаю, кто такой раб, но слово это мне не нравится. Я не знаю, кто такой Фархад, но думаю, тебе не очень-то поможет, что ты его дочь. Сейчас и здесь только я могу тебе помочь. А потому укороти норов.

– Укороти норов? Мне не поможет, что я дочь Фархада? Ты в своём уме? Так вот, послушай меня внимательно и запомни крепко-накрепко, дочь великого не повторяет два раза, – девушка перевела дыхание и продолжила, – я, Ильсура, дочь Фархада великого. И какое бы ты не совершил преступление, тебе простится, если ты доставишь меня в ГОРОД. Лично моей милостью будет то, что я не скажу о твоём надругательстве над ПСОМ. И ещё я тебе приказываю: не валяй дурака и не прикидывайся бестолочью! Я всё сказала! А теперь готовь-ка утреннюю трапезу да собирайся в путь.

Ильсура величаво прошла и присела на брёвнышко,

чинно сложив руки на коленях. Хват ошалело помотал головой. Огонёк неприязни понемногу занимался в груди. Нет, не стоит давать разгораться костру отчуждения. Но и командовать собою тоже нельзя позволять!

– Я доставлю тебя к отцу, будь он великий, ну очень великий Фархад или просто человек. Мне не нужны награды и помилования за неведомые грехи. А сделаю я это потому, что люди должны помогать друг другу. Но и ты запомни, потому как я тоже не люблю повторять. Я тебе не слуга и не раб. А поэтому делать мы будем всю работу сообща. Подумай на досуге, а я пойду купаться.

Хват сдёрнул рубаху, бросил её на подстилку и, прихватив котелок, пошёл к воде.

– Альба, сын ленивца, за мной.

Зверь выскочил из шалаша и игриво, боком заходил вокруг, повизгивая от удовольствия.

Юноша ушёл за поворот, разделся догола, разбежался и шумно ухнул в воду, сразу пробкой выскочил на поверхность и рванул к берегу. Нет, он не был большим любителем купаний в ледяной воде, просто никакого другого выхода не виделось из создавшейся ситуации. Нужна была пауза, перерыв. Бурелома наломать несложно, сложно потом разгрести.

Прямо на мокрое тело натянул портки, по пути назад зачерпнул из лужи воды. Выбора не было, потому как вода в озере была солоновата и горька на вкус. А может, это и не озеро вовсе. Пристроил посудину на рогульки и принялся

раздувать угли.

– Скажи, это что у тебя?

– Где? – Хват оторвался от углей.

– Вот это. Откуда он у тебя? – палец девушки указывал на золотой амулет.

– Да я сам не знаю, – Хват на мгновение смутился, – вроде он мой, с рождения. Одним словом, меня с ним нашли.

– Как это – нашли? Кто нашёл? Где? – голос девушки задрожал от волнения.

– Да какая разница, где. Говорю же, не знаю. Нашли и нашли, дело прошлое.

– И впрямь, какая разница. Ты прав, давай не будем ссориться. Говори, что мне делать?

– Да пока ничего, сейчас мясо сварится, перекусим – и в путь. Ты права, домой тебе надо. Ты знаешь, где он, твой город?

– А то ты не знаешь? Опять дурачком прикидываешься, – девушка презрительно фыркнула и отвернулась.

Хват ворошил угли, смурные мысли терзали его. Неужели все они такие, и настроение их так переменчиво. Или же ему повезло особо, и спутница его уникальна даже для женщин.

Наскоро подлатав лодку и уложившись, Хват обратился к девушке с вопросом.

– Ну, вроде всё готово. Куда плыть-то? Ты хотя бы направление укажи, где твой город?

– Ты снова начинаешь? Ведь мы договорились, – Ильсура

вспыхнула, как сухая трава на ветру.

– Да ничего я не начинаю, правда, не знаю. Показывай, куда плыть, а то проваландаемся с тобой до вечера. Или ты опять здесь ночевать хочешь?!

Похоже, мысль о ночёвке слегка сбила спесь с девушки, а может, она решила перенести разговор на потом, на более удобный случай. Так или иначе, но нечаянная спутница Хвата сменила гнев на милость.

– Надо вернуться назад, в то место, где ты меня спас, а там – вдоль берега.

– Ну, тогда поплыли, – парень дождался, пока его пассажиры усядутся, оттолкнулся и взял курс в обратный путь.

Преодолев водную гладь, неспешно пошли вдоль берега. Латки, наложенные второпях, службу несли верно, и вода в лодке прибывала чуть-чуть. Ильсура на удивление исправно отчерпывала эту малость котелком. Таким порядком они проплыли остаток дня.

Разговор не клеился. Девушка помалкивала, равнодушно посматривая на воду. Он же, боясь неосторожной фразой разрушить шаткое равновесие, не особо стремился к беседе. И всё бы ничего, но Хвата беспокоило поведение друга. Альба вёл себя странно. Он пытливно вглядывался в парня, как будто не узнавал его. Полный сомнений, проскальзывая мимо Ильсуры, усиленно обнюхивал побратима. Успокоившись, возвращался на место. Проходило время, и началось всё заново. В очередной раз девушка, не выдержав,

спросила:

– Что это с твоим зверем? Шныряет туда-сюда, как бы лодку не перевернул. Прикажи ему, чтобы сидел спокойно. Или не можешь?

– Уже вечереет, наверное, пора приставать к берегу? – вместо ответа произнёс Хват.

Ильсура отрицательно покачала головой и пояснила, что надо проплыть ещё немного, там дальше будет речка. По ней немного проплывём.

– Зачем?

– Там хижина должна быть. Не ночевать же нам опять под открытым небом.

– Чья хижина?

– Отшельника. **ОДЕРЖИМОГО!**

Девушка бросила на парня пыливый взгляд. Тот, не замечая подвоха, старательно грёб.

Ильсура не ошиблась, речка и в самом деле была неподалёку. Хват, притомившись грести против течения, нет-нет да шарил по берегам пыливым взглядом, гадая, где же обещанная хижина.

Наконец-то увидел! Обнаружить хижину было непросто. Чёрное, покосившееся строение терялось на фоне леса. Юноша вначале заметил сходни, спускавшиеся прямо к воде. Причалив к потемневшим от времени плахам, он осторожно выбрался из лодки. Ступени скрипели тягостно и нудно, но тем не менее держали исправно. Ильсура высадилась

следом, прихватив котелок и мешок с провизией, неспешно пошла наверх.

– Постой, не торопись, я сейчас привяжу лодку, и вместе поднимемся.

– Зачем вместе?

– Да мало ли что, опасность какая. Вдруг там псы.

– Нет тут никаких псов. Но если ты так хочешь, я подожду.

Она уселась на ступеньку и, поглядывая сверху, лукаво улыбалась. Хват быстренько управился и, прихватив оружие, поспешил к ней.

– Ты почём знаешь, что нет?

– Я же тебе сказала, здесь жил одержимый.

– Ну и что же? И кстати, почему – жил?

– Ты в самом деле ничего не знаешь или всё-таки притворяешься?

– Я в самом деле ничего ни про город, ни про вас не знаю.

И ничего я не притворяюсь. Зачем мне это надо?

– Не знаю, может быть и надо. Ведь ты же сам говорил, что тебя нашёл охотник. Значит, жил ты среди людей, нормальных людей. И говоришь ты, как человек, а не мычишь, как какой-нибудь скот.

– Да пойми ты, я жил среди других людей, они разговаривают на другом языке.

Девушка остановилась и с нескрываемым удивлением посмотрела на Хвата.

– Нет других людей! Наши жрецы ничего про них не зна-

ют. Есть только дикари.

– Ну, хорошо, значит, я жил с дикарями.

– Это полная чушь. Дикари не люди, животные. Они покрыты шерстью и не носят одежды. Они и говорить не могут, только рычат и визжат.

– Рычат и визжат. Да нет же, – Хват последнюю фразу про-изнёс на языке империи.

– Ты что сейчас сказал? Что-то знакомое, но непонятное.

– Это язык других людей. И это не жалкие дикари. Их целая империя.

– Наш город – вот единственная империя в мире, – Ильсура гордо задрала подбородок, – других нет и быть не может. Наши жрецы об этом доподлинно знают.

– Жрецы знают, – передразнил юноша, – тебе-то откуда известно?

– Я Ильсура, дочь Фархада. Мой отец – великий жрец, мой наставник Фаттах – жрец зрячий. Я знаю всё, что можно знать. Другой империи нет! – сказала и заносчиво посмотрела на Хвата.

– Хорошо, – юноше надоел никчёмный разговор.

Ведь и в самом деле ничего тут не докажешь. И в его посёлке тоже ничего не знали про чужой народ. Да что там в посёлке, в метрополии не слышали, иначе Гора по-любому бы рассказал.

– Ну, не знаю, – протянул он задумчиво, – я сезон назад на охоте сильно ранен был, головой здорово повредился, после

того подлечился, да, похоже, не совсем. Мнится разное, и в памяти, опять же, провалы.

Девушка подумала немного и согласно кивнула головой.

– Другое дело. Так вот почему ты несёшь всякую чепуху. Другие люди, дикари. Слушать противно. Мы долго здесь сидеть будем? – руку величественно подала.

Хват не сплоховал, сообразил, что к чему, помог девушке подняться.

– Открывай, не заперто.

Они стояли перед добротной деревянной дверью. Хват послушно взялся за кольцо и потянул на себя. Петли тоскливо запели, и дверь на удивление легко отворилась. Альба прошмыгнул в проём и принялся деловито шнырять по хижине. Юноша шагнул следом. Внутри было сумрачно, и рассмотреть что-нибудь толком не получалась. Ильсура по-хозяйски прошла вперёд, к столу, взяла огниво, ударила раз, другой. И вот уже дрожащий язычок пламени осветил всё вокруг. Обстановка была простой, но добротной. Стол, топчан, пара лавок – сработано всё на совесть.

– Хват, ты сходи за брусничным листом, на задах брусники видимо-невидимо, а я пока пожарю мясо. Да принеси дров на ночь.

Парень послушно заторопился выполнять поручения. Он сразу понял, что в делах домашних женщина главнее.

Хозяйка из Ильсуры была не ахти. Мясо подгорело и было пересолено. Да, в хижине была соль. Альбе пришлось не по

вкусу такое блюдо и он, как только стемнело, утёк на охоту, предпочитая свеженинку. Девушка не ела вообще, попивала себе брусничный настой. Хват, стоически съев свою порцию, отдыхал, привалившись спиной к стене. Амулеты выбились из-за ворота и лежали на виду, поверх рубахи.

– Откуда он у тебя, ты точно не помнишь? – ткнув пальцем в золотой оберег, спросила, как бы невзначай.

– Нет, – что-то не понравилось Хвату в тоне девушки, и внутренне подобравшись, он спросил сам, меняя суть беседы:

– Так всё-таки, кто такой отверженный и где он сейчас?

– Что же ты спрашиваешь всякую гадость на ночь?

– А всё-таки?

– Ну, хорошо, слушай, – Ильсура отставила в сторону чашку и сосредоточенно нахмурила бровки, – отверженные – это изуверы, запятнавшие свои руки священной кровью. Им не место среди людей. Они поклоняются своему страшному богу и под дланью его творят ужасные вещи. Удел у них один – смерть. Этот смог скрыться и здесь, вдали от города, творил свой гнусный промысел. Но, хвала стоящим, его обнаружили, и он получил по заслугам!

Без передышки выдала, как примерная ученица зазубренный урок.

– Так это убийцы?

– Нет, хуже.

– Хуже убийц? Что может быть хуже! Они что, детей ма-

леньких в жертву приносят?

– Да нет, но то, что они творят, ничуть не лучше. Они – скверна, их помыслы – скверна, само дыхание и то осквернено.

– Понял, – хотя на самом деле ничего не понял; спросил на всякий случай, как говорится, разговор поддержать, – нам здесь находиться можно?

– Можно, хижина освящена жрецом.

Хват не стал допытываться дальше, кто такие, да зачем сякие. Задал вопрос, который давно вертелся в голове:

– Скажи, а как долго нам добираться до города?

– На твоей посудине дней шесть, семь. Это если с погодой повезёт. А напрямик, через лес, – она выдержала паузу, – день. Ну, от силы два.

– Это как так?

– Берег дугой в море далеко забирает, к тому же в эти времена ветра постоянно встреч будут. Поэтому долго. А напрямик – намного ближе.

– Ну, так зачем дело встало? Пойдём напрямик. Вот только собаки, – Хват обескураженно развёл руками, – тебе как срочно в город надо? Может быть, рискнём?

– Почему бы и нет. Давай рискнём! Ты ведь не боишься смерти?

– С чего ты взяла? Боюсь. Ещё как боюсь. И не потому, что трус, ты не думай. Дела у меня недоделанные, вопросы незаданные и ответы неполученные. А в остальном, что ж,

никто не живёт вечно!

– Да, никто не живёт вечно, – как эхо, повторила девушка и добавила, чуть помедлив, – а давай-ка спать. Глаза слипаются.

Она потянулась и насмешливо посмотрела на парня. Тонкая ткань прильнула к телу, и две соблазнительные чаши заходили в такт с дыханием. Хват отвёл глаза и покраснел.

– Ты располагайся, я сейчас. Проверю, как там лодка, и вернусь, – с этими словами он выскочил за порог.

Незряче побрёл прочь; перед глазами, как наяву, стояли упругие девичьи груди с твёрдыми ягодками сосков. Он очнулся только возле пристани, наклонился к воде и щедро плеснул в лицо. Отпустило.

На сегодняшний день у него осталось ещё одно дело. Дело, не требующее свидетелей. Хват уже присмотрел подходящее местечко. Туда он и направился. Запалил жертвенный костёр и бросил в огонь подношение.

– Прими, Борей.

Он напрасно ждал, ничего не случилось, и никто не появился. Костерок давно прогорел, а Хват, всё ещё на что-то надеясь, пристально всматривался в подёрнутые золой угли. Нет, он больше никогда не увидит призрачного ребёнка. Маленький бог ушёл навсегда. Хвату тоскливо становилось от этой крепнувшей уверенности.

Приближение Альбы он почувствовал давно, причём именно почувствовал, а не услышал. Потому как сложно рас-

познать на слух, среди вечернего буйства звуков, лёгкие шаги хищника. Хват не удивился своему новому качеству. За последнее время с ним столько всего произошло, что он просто перестал удивляться. Подождал, пока побратим подкрадётся поближе и затаится. И, разрушая его коварные планы, громко произнёс:

– Ну, и что мы там крадёмся? Иди сюда, дуралей.

Альба возник сбоку, как бы соткавшись из сумерек, возник и неуверенно направился к человеку. Подошёл вплотную, сел и посмотрел в глаза, пристально так посмотрел. И тут же отвёл взгляд, как будто увидел что-то. Хват взял его за бакенбарды и подтянул к себе. Зверь недовольно зарычал, недвусмысленно предупреждая, что шутить он не настроен, потому как дело серьёзное.

– Да что случилось?

Хват отпустил побратима и ласково погладил по спине. Альба не выдержал и, качнувшись навстречу, ткнулся носом под мышку. И засопел обиженно, изредка поддавая мордой вверх.

– Да ты никак ревнуешь? Вот так дела. Глупый, она нам совсем чужая. Вот доставим её в город, к великому папаше, и всё. Опять вдвоём останемся. Если ты меня не бросишь! Не бросишь ведь, нет? – Хват пихнул кулаком в мохнатый бок.

Альба отскочил в сторону, успев тяпнуть за руку. И прилёг на траву, явно ожидая продолжения.

– Не, друг, не стоит затевать кутерьму. Поздно уже, ещё

девушку разбудим ненароком. Пошли-ка лучше спать.

Они потихоньку пробрались в хижину и, устроившись у очага, уснули, нисколько не тяготясь жёсткостью ложа.

Разбудила Хвата Ильсура. Он сквозь сон услышал душевный стон петель. Полежал ещё немного, потягиваясь, и встал, не желая терять драгоценное время. Петли заскрипели вновь, и Ильсура шагнула через порог. Изящная девичья фигурка, как бы купаясь в лучах утреннего солнца, на мгновение застыла в проёме двери. Красива она была необыкновенно. Красива и величава! Давая время Хвату как следует рассмотреть себя, девушка направилась к очагу, повесила полный до краёв котелок на сошки.

– Ты говорил, что всё мы будем делать сообща, так вставай и разожги огонь. Времени у нас мало. За день можем не успеть, а ночевать в чистом поле я не хочу.

– Подожди, ты ведь вчера сказала, что ходу всего день, – напомнил Хват, возясь с хворостом.

– Я точно не знаю, но, как мне говорили, не больше дня.

– Что значит, говорили? – Хват выронил от удивления огниво из рук, – ты что же, получается, не знаешь дорогу?

– Я не говорила, что знаю. Я говорила, что идти день.

– Ну и куда же мы пойдём, в какую сторону?

Парень наконец-то справился с огнивом и неторопливо подкармливал костерок тоненькими веточками. Боясь нечаянно обидеть собеседницу резким словом, он тщательно

взвешивал каждую фразу. Выждал положенную паузу, повторил:

– Так куда же мы пойдём?

– На восток, – уверенно ответила девушка, – мой город на востоке, главное – точно держать направление, к тому же в город ведёт множество дорог, и я думаю, что мы обязательно выйдем на одну из них.

– Она думает. Знать надо, а не думать, – не сдержал злой иронии Хват.

– А ты что так переполошился? Дела недоделанные, вопросы незадаанные! Ты, видать, головой сильно повредился. Ты кому вопросы задавать собрался? Своим выдуманым людям? Вечность пройдёт, пока ты получишь от них ответы. Ты, похоже, всё-таки собрался жить вечно! Храбрец!

Ильсура вздёрнула вверх подбородок и, как показалось Хвату, презрительно усмехнулась. Сухая палка звонко треснула в руках. Он бросил её в очаг и резко встал.

– Ты меня на слабо не лови, не пацан.

– А я и не ловлю, очень надо. Я, если хочешь знать, могу отправиться и одна.

Хват обескураженно посмотрел на неё. Гнев как-то разом испарился, оставив только горечь обиды и страх, что вот сейчас на самом деле возьмёт и уйдёт.

– Как это одна, ты что? Я же обещал доставить тебя до города и прямо в руки отцу. А раз обещал, значит, доведу. Ты не думай.

– Тебя не поймёшь. То думай, то не думай. И вообще, пора двигаться, ты не находишь? – девушка примиряюще улыбнулась; одержав верх, она не стала добивать противника.

Тропинку они обнаружили сразу, едва отошли от избышки. Порядком заросшая, она вела точно на восток. Нет, тропа не была прямой, как стрела. Она то и дело отклонялась влево, вправо, но основное направление выдерживалось чётко. Ильсура победно улыбнулась и бодро зашагала вперёд, охотнику же ничего не оставалось, как последовать за ней. Он тихонько свистнул, подзывая Альбу. Когда побратим явился на зов, долго ему выговаривал. Мол, далеко не отходи и будь начеку, потому как псы, и вообще. Говорилось это, конечно, для девушки, чтобы сильно не задавалась и не задирала нос.

К полудню они прошагали порядком, и усталость ощутимым грузом легла на плечи. Хват всю дорогу молчал, травил бдительность. Ильсура тоже особо не стремилась вести светскую беседу. Пора бы и остановиться на отдых, но он всё медлил, выбирая удобное место. Уж очень не хотелось делать привал в лесной гуще, а порядочной поляны не попадалось. Девушка не выдержала первой. Недавно сломленное ветром дерево весьма кстати перегородило тропу. Она устало присела на покрытый шершавой корой ствол.

– Всё, больше не могу, давай передохнём.

– Хорошо, – Хват снял поклажу, – ты посиди пока, а я пойду, поищу воды, а то фляга давно опустела. Если что, направляй стрелу на цель и дави вот этот рычаг, – он протянул

ей арбалет.

– Хват, ты не беспокойся, я знаю, как обращаться с оружием, – Ильсура положила арбалет на колени.

Охотник достал котелок и шагнул с тропы; прежде чем раствориться в зелёной чаще, повернулся.

– Ты в случае чего кричи, ладно!?

– Хорошо, – девушка слабо махнула рукой.

Родник он нашёл не быстро, пришлось порядком забрать в сторону. И неизвестно, нашёл бы он вообще источник, если бы не Альба. Тот постарался, привёл побратима к воде. Источником это место назвать было сложно, скорее, небольшая мочажина, наполненная водой. Уже и то хорошо, что вода была прозрачна и на вкус не отдавала болотом. Хват, разогнав листья, зачерпнул полный котелок и заторопился назад. Двигался он почти столь же бесшумно, как его спутник. Вот и тропинка. Охотник сквозь листву увидел девушку. Судорожно сжав в руках арбалет, она держала его на уровне груди, испуганно оглядывая всё вокруг. Чтобы не упускать ничего из виду, ей приходилось беспрестанно поворачиваться из стороны в сторону.

«А ведь она боится, да не просто боится, ей страшно до ужаса, до спазм в горле», – понял вдруг Хват, – «Но как же так? Ведь она уверяла, что большой опасности нет? Или есть? Поди, разберись!»

Охотник наступил на ветку и хорошенько нажал, сухая палка незамедлительно треснула под ногой. Нарочито

небрежно, стараясь производить побольше шума, вышел на тропу. Ильсура чинно, как ни в чём не бывало, поджидала его. Арбалет лежал на коленях, ручки аккуратно сложены поверх грозного оружия.

– Вот и я, – по-идиотски радостно объявил юноша, – ты как? Всё нормально?

– А то? – девушка сумела беззаботно улыбнуться.

Вскоре они отправились дальше. Неожиданно быстро лесная чаща закончилась, деревья внезапно расступились, и путники вышли на открытое место. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась равнина. Нет, она не была ровная, как стол. Невысокие холмы, поросшие густым кустарником, терялись за горизонтом.

– Одно другого не легче, – сплюнул в сердцах Хват, – да в этих кушарях не то, что собаки, стадо горных коров спрячется, и не заметишь!

Он обернулся к спутнице. Зря помянул собак. Храбрая Ильсура безмолвствовала. Прижав к груди сжатые в кулачки руки, она с нескрываемым страхом смотрела вперёд.

– Ты чего это. Перестань! Чего бояться? Нет ведь никого! Появятся, думать будем, что и как.

Словно подслушав его слова и прочувствовав страхи девушки, собачий вой пронёсся над холмами. Первому тут же отозвались второй, третий, и вот уже целый хор пел разноголосицу, пророча близкую расправу. Ильсура вцепилась в плечо парня и закричала, забилась в истерике.

– Всё, нам конец. Дура я, дура, думала, ты – истинный!

Она ещё что-то говорила, прищёптывала сквозь рыдания, Хвату же было не до того. Он всматривался в зелёные волны колышущихся от ветра ветвей и выжидал. А что ещё ему оставалось делать? Слева девушка, не помнящая себя от страха, справа... А что у нас справа? Альба, взъерошив на загривке шерсть, застыл у ноги.

Ждали они недолго, угрюмая песнь прервалась так же внезапно, как и началась. Вот мелькнула среди кустов серая спина, вот ещё одна. Хват услышал шорох сзади, но не стал оборачиваться. Зачем? Он знал и так, берут в кольцо. Хищники окружали свои жертвы, нападать не спешили. Они неторопливо бродили по кругу, туда-сюда, недовольно ворча друг на друга.

Хват пытался отследить тех, которые подбирались поближе, чтобы успеть предупредить первый бросок. Завалить зачинщика, а там – гори оно всё синим пламенем. Но стоило ему посмотреть на прорвавшегося вперёд пса, как тот тут же отводил морду в сторону, прятал глаза и отступал назад на шаг, другой. Хвату показалось, что наибольшую злобу у собак вызывал Альба. Уж на него-то они смотрели в упор, глаз не отводили и скалились неистово. Ильсура, похоже, заметила это тоже. Да не похоже, а точно заметила и закричала так, будто он был глухим.

– Отдай им зверя, скорей отдай!!!

– Ты что, сдурела? – Хват даже арбалет опустил.

Не то чтобы совсем опустил, так, чуть-чуть наклонил вниз. Серая тень выскочила сбоку из травы, и мощные лапы бросили жилистое тело вперёд. От удара Хват кувырком полетел с тропы. Он тут же вскочил, чудом удержав арбалет.

Альба, стелясь низко над тропой, уходил намётом. Как он умудрился вывернуться из ощеренного клыками кольца, оставалось только гадать. И сейчас он не шкуру свою спасал, он уводил опасность. Псы, не тратя силы на пустой брёх, следовали по пятам. Можно сказать, они висели у него на кончике хвоста. Матёрый пёс, по всей видимости, вожак, неутомимо догонял беглеца, сокращая с каждым прыжком и без того небольшое расстояние.

Оценив всё в одно мгновение, Хват вскинул корявое ложе к плечу. Нет, он не тщился убить вожака, но хотя бы чуток зацепить, сбить с хода. А там, глядишь, остальные замешкают, и будет шанс у побратима. Навёл на цель, чуть упредил и плавно потянул спуск. Удар снизу – и стрела нырнула ввысь, пропав точкой в небесной синеве.

– Ты что, творишь? – Хват грубо оттолкнул девушку.

Силы не рассчитывал, не до того. От лёгкого, вроде, толчка Ильсура отлетела на пару шагов и, споткнувшись, упала навзничь. Охотник лихорадочно тянул тетиву, торопясь заложить стрелу, но время было упущено.

Вот беглец, а следом за ним погоня скатились в ложбину и пропали из виду. Хват бросился вперёд; путаясь в прошлогодней траве, выскочил на косогор, пытаясь догнать, помочь.

Тщетно. Море, огромное зеленоватое море травы, и больше ничего. Медленно, с трудом переставляя ноги, он вернулся назад. Ильзура всё ещё сидела на земле. Сжавшись в комочек, она с испугом смотрела на юношу. Тут же вскочила на ноги и бросилась к нему, вцепилась в одежду и заплакала, запричитала, вымаливая прощение. Всю злобу Хвата, все его горькие, полные недоумения упрёки смыл этот солоноватый поток.

– Ну ладно, будет, перестань, – он принялся неуклюже поглаживать девушку по голове, плечам.

Та зарыдала ещё сильнее и, прижавшись к нему всем телом, всё повторяла и повторяла одно слово.

– Прости, прости.

Насилу успокоив спутницу, Хват продолжил путь. Надо было уносить ноги. Альбе не поможешь, так зачем гибнуть зря? Они шли, не останавливаясь, до вечера. Тропа всё так же виляла меж луговин, то взбираясь на косогор, то змеясь в низинках. Путники устали. С трудом преодолели очередной тягун и замерли, не веря своим глазам. Тропа закончилась, она вывела к долгожданной цели. Жёлтая дорога, укатанная множеством колёс, утоптанная многими ногами, лежала перед скитальцами. Мало того, на повороте темнело неказистое сооружение.

– Что это? – спросил Хват у девушки.

– Хижина. Они стоят вдоль дорог на тот случай, если кто-нибудь задержится в пути.

– Что-то вид у неё запущенный, похоже, за ней толком не следят.

– Ты прав, – девушка замолчала, потом тряхнула головой, как будто отгоняя непрошенные мысли, – ты прав, – повторила вновь, – ГОРОД переживает непростые времена, и до всего просто не доходят руки. Давай не будем об этом. Вот придём на место, и я тебе всё покажу и расскажу. Хорошо?

– Хорошо, – Хват направился к хижине, девушка последовала за ним.

Вблизи строение имело ещё более жалкий вид. Покосившиеся стены, местами тронутые гнилью, подслеповатое окно, затянутое мутной плёнкой. Дверь скособолено висела на петлях, приоткрыв чёрную пасть проёма. И всё же это было жильё, пусть и заброшенное, но тем не менее способное оградить путников от опасности. Юноша, не раздумывая, шагнул через порог. Внутри оказалось не так уж и плохо. Был здесь топчан, был и очаг, около которого заботливые руки приготовили запас дров.

Ильсура, измученная долгой дорогой, издёрганная страхами, с трудом добрела до топчана и без сил присела на край. Она безучастно смотрела, как Хват возится с очагом. Юноша торопился, но трапезы Ильсура не дождалась. Когда он подошёл к топчану, держа в одной руке кус варёного мяса, а в другой плоску с чаем, девушка спала. Подложив под щёку руку, сжатую в кулачок, она барахталась в тенётах беспокойного сна, вздрагивая, изредка что-то бессвязно воскли-

чая. Парень постоял немного у изголовья, подумал и, решив не будить, вышел из избушки. Он жевал свинину, запивая её кипяточком, с надеждой вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

Время шло. Ночь давно вступила в свои права, набросив тёмное покрывало, а Хват всё сидел на сыроватых ступенях. Прислушиваясь к каждому шороху, он ждал, что вот раздвинутся кусты, и лукавая мордочка хитровато посмотрит на него. Прикрыв веки, он в мыслях своих пытался докричаться до Альбы, но никакого ответа не получил. Охотник встал и направился в хижину. Притянул покрепче дверь и обнаружил нехитрый засов, которым не преминул воспользоваться. Он подбросил в очаг дровишек и присел рядом, невидящим взором глядя в огонь. Не вернуть друга, не проглотить застрявший в горле горький комок утраты. Две тёплые ласковые ладошки легли на плечи, принялись легонько оглаживать. Ильсура присела на корточки, прижалась к нему, прожигая грубую ткань ветхой одежды горячим телом. Она скользнула к нему на колени, обвила руками шею. Губы их встретились, реальность перевернулась.

Проснулись они одновременно. Луч солнца нашёл лазейку в мутном пузыре оконного проёма, и нахальный солнечный зайчик заплясал, запрыгал по земляному полу. Хват присел, потрянул головой, прогоняя остатки сна. Разом вспомнилось вчерашнее. Он с испугом огляделся. Ильсура

лежала рядом. Ни капельки не стесняясь своей наготы, она с улыбкой смотрела на парня. Протянула к нему руки, груди задорно качнулись в такт. И вновь они плыли в волнах любви, не скупясь на неистовые ласки, а потом лежали, тесно прижавшись друг к другу.

Еле слышный посторонний звук вернул Хвата к действительности. Парень сел и наспех натянул штаны, потянулся за арбалетом. Он разрядил его на ночь, потому как незачем держать тетиву натянутой, коль надёжны запоры. Зарядив стрелу, тихо ступая босыми ногами, подкрался к двери. Копьё стояло у порога; поправил его, чтобы сподручно было схватить. Постоял, прислушиваясь. Ничего. Правой рукой держал наготове оружие, левой принялся осторожно очинять запор.

– Не открывай, – испуганно выдохнула Ильсура.

Хват выждал немного. Тишина. Конечно, можно и через окошко попробовать разглядеть, что там творится за дверями. Но чутьё подсказывало: всё в порядке, опасности нет. Охотник покончил с запором и, не тратя попусту время, толкнул дверь ногой. Та нехотя распахнулась. Альба сидел у крыльца как ни в чём не бывало, чесал лапой загривок. Он, конечно, слышал всю суету за дверью, но себя не выдал и теперь наслаждался произведённым эффектом.

– Альба, ты? Ах ты, паршивец!

Хват отставил в сторону арбалет, в один прыжок очутился рядом и сгрёб побратима в крепкие объятия. Когда

первая волна ликования схлынула, он принялся ощупывать, осматривать мохнатого друга, пытаясь определить, насколько сильно тот пострадал. Альба терпеливо вынес осмотр. Он только морду отворачивал недовольно, а когда решил, что с него хватит, просто вывернулся из рук и отпрыгнул в сторону. Вновь завалился на бок и принялся что-то там выкусывать, вычёсывать из шерсти.

– Я вижу, с твоим зверем ничего не произошло. Зря ты так переживал.

Холодком просквозило с крыльца. Хват медленно повернулся.

– Его зовут Альба!

– Я знаю, – Ильсура вновь натянула на себя маску неприязни и отчуждения. Непонятно куда запропастилась та девушка, что совсем недавно шептала ему слова, полные страсти и любви. Хват оторопело смотрел на неё снизу вверх.

– Что с тобой? В чём дело?

Альба возник сбоку и, не отрывая от тоненькой фигурки пристального, ненавидящего взгляда, зарычал.

– Альба, нельзя. – Хват легонько хлопнул его по холке.

Зверь отступил на шаг и прилёг, клыки спрятал, но в горле его еле слышно рокотал небольшой камнепад. Охотник встал с земли и поднялся на крыльцо. Ильсура проскользнула в дверной проём, Хват последовал за ней.

– Теперь ты понял, почему я не люблю его? Этот зверь ненавидит меня. И когда-нибудь он набросится на меня. Я

просто его боюсь. Прогони его, – девушка присела на краешек топчана и заплакала.

«Вот же гадство», – подумал Хват, – «стоит ей только развести сырость, как тут же опускаются руки».

И сейчас он присел рядом, неумело обнял девушку и принялся успокаивать её, наговаривая ласковые слова. Старания его не пропали зря. Вскоре глаза красавицы высохли и вернули прежнюю благосклонность.

Ещё немного помешкав, они наконец-то выступили в дорогу. Альба внимания на девушку не обращал совсем, всем своим видом выказывая полное пренебрежение к спутнице. Ильсура отвечала тем же. Хват решил оставить всё как есть. Лучше худой мир, чем добрая ссора.

Они не торопясь двигались по дороге, направляясь в город. Темп задавал Хват, а он особо не торопился. Неизвестно, как там ещё всё обернётся, в этом самом городе. А главное, почему он тянул время, там ему придётся расстаться с девушкой. Вот он и тянул шаг, отсрочивая разлуку.

Город показался внезапно. Они устало брели, преодолевая очередной тягун. Глянули вперёд и обомлели, то есть обомлел Хват. Такого великолепия и величия он не видел никогда, даже на картине, что висела в доме собраний. А ведь на ней, на той картине нарисован был не какой-нибудь заштатный городок, а сама метрополия! И художник красок не пожалел, расписал, как следует. Но ведь ни в какое сравнение!

– Вот это и есть мой ГОРОД! – голос Ильсуры звенел от еле сдерживаемого ликования, – пойдём скорей!

Она схватила Хвата за руку и потянула за собой. Он засмеялся от переполняющего его странного веселья, как будто и ему это место было родным и близким, и они бегом ринулись к стенам. Тёмная тень мелькнула сбоку. Альба легко обогнал их и, выскочив вперёд, резко затормозил, развернулся, преградил путь, зарычал. Ильсура ойкнула и спряталась за спину юноши.

– Я же тебе говорила!

Хват присел на корточки и протянул руку.

– В чём дело, брат?

Волна, тёмная липкая волна ненависти окатила его, окатила и схлынула назад, оставив ощущение промозглой вонючей сырости.

Хват посмотрел вперёд, и на мгновение ему показалось, что над городом парит чёрная зыбкая тень. Но лишь мгновение это длилось, он моргнул, и вновь заиграло золото куполов. Да нет, ничего особенного. Белая стена, а над ней плывут в синеве сверкающие шпильки. Не может быть зла, ему просто-напросто нет здесь места! И словно подслушав его мысли, Ильсура с иронией спросила:

– Ты что же задумался, герой? Что ты там увидел? А может, это тебя зверь морочит?

– Да нет, всё в порядке, – Хват не стал её поправлять и даже подумал: «может быть и в самом деле морок?»»

– Пойдём, – девушка вновь взяла его за руку.

Они обошли Альбу и двинулись вперёд. Тот прилёг и положил голову на лапы, горестно поскуливая. Уже у самых ворот Хват обернулся и призывно засвистел, закричал:

– Альба, ко мне!

Зверь встал, услышав свою кличку, глянул пристально и бросился наутёк. Быстрые ноги уносили его прочь. Хват смотрел ему вслед, и виделось, что вот так же побратим уходил от погони, когда на его плечах висела стая псов.

Громкий резкий звук стёр воспоминания. Ильсура держала в руках молоток. Она размахнулась, ударила, и вновь бронзовое било запело, застонало. В узкой бойнице появилась голова, увенчанная шлемом.

– Что за нечестивцы беспокоят стражу в неурочное время?

– Открывай немедленно, если тебе дорога твоя жалкая жизнь. Сама Ильсура – дочь Фархада, снизошла до вас!

Девушка отшвырнула молоток в сторону и, гордо подбоченившись, смотрела на стражника. Даже не смотрела, испепеляла взглядом, она и ростом стала выше, и одежда её как будто преобразилась и перестала выглядеть рванью.

– Ильсура, говоришь. Ну, подожди, девчонка, сейчас я спущусь и взгрею и тебя, и оборванца, что притулился рядом.

Недобрые предчувствия зашевелились в груди у охотни-

ка, он забросил за плечо арбалет и покрепче сжал копьё. Убивать никого не хотелось, но и давать себя в обиду тоже не годится.

– Не, ты только глянь, – донеслось сверху, – да наша Ильсура не одна, с ней великий воин.

Наконец сбоку от ворот открылась небольшая дверка. Она настолько хорошо была замаскирована, что даже цепкие глаза следопыта не смогли её обнаружить. Пригнув головы, чтобы не задеть невысокий косяк, друг за другом в проём вынырнули четыре стражника. Ловко так вынырнули и встали по двое с обеих сторон двери, опустив копьё остриём вниз. Вслед за ними, не торопясь, медленно, как бы смакуя чувство собственного достоинства, появился пятый. Ясно было сразу, это – главный. Он мазнул небрежно взглядом по девушке и уставился на Хвата. Резко повернув голову, опять впился глазами в девушку и вдруг бухнулся на колени, как будто ему подрубили ноги.

– Ты забыл, червь, как нужно встречать меня?! Открыть ворота!

Ильсура подошла вплотную к распластавшемуся телу и небрежно толкнула ногой. От лёгкого толчка голова старшины дёрнулась в сторону, шлем свалился в пыль и покатился под уклон. Старшина как будто позабыл о шлеме, пополз на карачках к двери и юркнул за порог. Стражники, не столь сообразительные, как их предводитель, тупо тарасили глаза. Потом и до них дошло; взяв на караул, они вытянулись в

струнку и ели девушку преданными взглядами, ожидая приказа. За воротами завопил горн, слышно было, как ему отозвался второй, третий, и дальше, дальше понёсся серебряный клич, то ли кого-то упреждая, то ли вызывая.

Ворота дрогнули и нехотя поплыли в стороны. Ни скрипа, ни шороха, только плавно расходящиеся врозь огромные створки. Вот они распахнулись настежь, и вновь запел горн. Ему вторил громогласный клич. Две шеренги воинов выстроились вдоль дороги, по ту сторону от ворот, они и вопили, салютуя мечами. Ильсура шагнула вперёд, а Хват, слегка растерянный, ошеломлённый всем этим гвалтом, застыл на месте. Он не знал толком, что делать дальше, и мелькнула мыслишка, пока на него никто не обращает внимания, воспользоваться случаем и смыться.

Девушка повернулась и небрежно так махнула ему рукой, мол, что ты там? Пойдём! Воины завопили ещё громче и к тому же принялись охаживать мечами щиты. Ильсура, забыв про парня, обернулась. К ним быстро приближалась процессия.

Четыре рослых полуголых мужчины бегом несли роскошные носилки. За ними, мерно топоча, рысили две шеренги воинов. Вечернее солнце играло на богатом убранстве носилок, многократно отражаясь в сверкающих доспехах эскорта. Носилки остановились, воины замерли по бокам. Горн взял уж совсем несусветную ноту, взвыл и – тишина. Рослый воин шагнул к носилкам и открыл дверцу. Пожилой мужчи-

на, оттолкнув его в сторону, легко ступил на землю.

– Дочь! Ильсура! Жива! Что с ребёнком?

Он быстро направился к девушке, прижал к себе. Отстранил, вглядываясь и как будто не веря. Прижал вновь.

Хват почувствовал лёгкий укол беспокойства. Не нравилось ему здесь и вновь показалось, что чёрная зыбкая тень на мгновение накрыла город. Воспользовавшись тем, что всё внимание было приковано к отцу с дочерью, парень повернулся и сделал первый шаг. Он сделал один только шаг.

– Кто это с тобой, дочка?

– Хват, постой, не уходи.

– Постой-ка, незнакомец, – говоривший привык к повиновению.

Хват остановился, медленно повернулся; всё, момент упущен, и не уйти, не дадут. Ильсура с отцом были рядом, воины брали всех в кольцо.

– Опустит оружие, незнакомец!

Отец Ильсуры рисковать не любил, и шутить – тоже. Раздвинув кольцо воинов, появился злосчастный старшина, твёрдо ступая, направился к Хвату. Он, похоже, хотел искупить вину, загладить чёрный след неразумных своих слов, тяжёлую руку положил на плечо.

– Брось наземь, не медли!

Хват понимал всю незавидность этого положения, но вот так просто сдать своё оружие он никак не мог.

– Хват, не горячись. Отдай, таковы традиции, – Ильсура

шагнула к нему.

И вот она уже рядом. Потянула арбалет, сняла с плеча и передала старшине. Копьё Хват отдал сам. Девушка сделала два шага назад.

– Схватить его.

Воины шагнули вперёд, разом ощерившись сверкающим частоколом. Хват почувствовал, как остриё копья, проколов шкуру на спине, царапнуло кожу. Цепкие пальцы схватили за локти, сжали стальным капканом. Потянули вверх, выворачивая руки в плечах.

– Отец, этот человек виновен в смерти младенца. Он убил его. Вот доказательства!

Ильсура вновь подскочила к парню, рванула ворот. Завязки треснули, амулеты закачались у всех на виду, поворачиваясь из стороны в сторону. Девушка схватила золотой оберег и дёрнула на себя, стараясь порвать шнурок. Тесьма обожгла шею, но не поддалась. Боль вывела Хвата из состояния бредна, в котором он находился. Взревев, как раненый бык, он рванул в сторону. Мрак упал сверху.

Глава 2

Фархад, глубоко задумавшись, сгорбился за столом. Челядь давно утомилась, забившись по каморкам, и лишь только глава дома сидел один на один с кувшином крепкого вина. Что могло беспокоить второго человека в городе? Ка-

кой неведомый червь грыз сердце честолюбца?

Верховный жрец стар и дряхл, он давно отошёл от дел, переложив всю тяжесть управления на плечи Фархада. Да, нелегка была ноша, но сладость безраздельной власти стоила того. Или не безраздельной, и его положение зависит от прихоти выживающего из ума старика?! Давно надо бы отменить, сломать старые, отслужившие своё традиции. Давно, но чернь, этот тупой и охочий лишь до жратвы и зрелищ зверь, не терпел перемен. Да что там чернь, когда даже высшее сословие, погрязнув в косности своей, полностью одобряло существующее положение вещей. И никому не было дела до того, что город терял своё величие, терялась, уходила, как вода в песок, высшая сила.

Вот и плёл жрец тонкую паутину заговора, состоящую из лести, лжи и подкупов. Иной раз приходилось и убрать неугодного свидетеля или просто лишнего человечка. Но не для себя ведь старался, для города. Фархад стёр нечаянную улыбку с лица. Перед собой-то что кривить душой; город городом, но и о себе он пёкся немало. О себе и своей семье. И в деле этом великом не жалел ни себя, ни самых близких родственников.

Дочь, которую он считал безвозвратно пропавшей и уже не чаял увидеть, вернулась живой и невредимой. Но лишь только прошёл, схлынул первый поток счастливого изумления, как смурные мысли принялись червоточить, истончать радость встречи. Ну, нашлась и нашлась. Но дело, которое

он вынашивал и пестовал, почитай, полжизни своей, не сла-
дилось. А что до дочери, так он уже оплакал её и смирился
с потерей.

Фархад потянулся к кувшину, плеснул в бокал. Часть бла-
годатной влаги разлилась по столу. Поднёс питье ко рту и
принялся жадно глотать, не отрывая взгляда от багряных ро-
сплесков. Золото амулета, сорванного с шеи оборванца, по-
путчика дочери, тревожно мерцало, омытое терпким вином.
Великий отставил бокал, взял оберег и принялся бездумно
крутить его в пальцах.

– Позовите Ильсуру, – не оборачиваясь, приказал он.

Шелест осторожных шагов запутался в тяжёлых портье-
рах, запутался и умер, задушенный благородной парчой.

Решительная поступь оживила тишину покоев. Дочь не
спала, ждала вызова, а иначе как смогла бы она так быст-
ро явиться на зов отца? Девушка переступила порог и оста-
новилась нерешительно, как будто вся отвага покинула её.
Немного переигрывала, демонстрируя столь явно почтитель-
ность. Так ведь молода ещё.

– Проходи, садись, – Фархад встал и направился к дверям,
дочь скользнула мимо, обдав лёгким запахом благовоний.

– Пошли все вон отсюда!

Он притянул дверь и направился к столу, не опасаясь
ослушания. Дворня вышколена была отменно. Вышколена и
преданна. А иначе как?

Вернулся к столу и, тяжело опустившись на скамью, при-

нялся разглядывать дочь.

– Рассказывай.

– Что рассказывать? – Ильсура вопрошающе захлопала ресницами и наивной дурочкой посмотрела на отца.

– Прекрати, – Фархад раздражённо ударил ладонью по столу.

Мало кто мог вывести его из себя. Мало кто мог и мало, кто бы осмелился. Дочь могла. От резкого звучного хлопка она дёрнулась и, испуганно округлив глаза, продолжала молчать.

– Прекрати, – во второй раз и уже спокойно попросил великий, он давно уже понял, что криком и руганью от неё мало чего добьёшься, – прекрати и расскажи всё по порядку, с самого начала. С того момента, как вы покинули город.

– С самого начала? Хорошо, отец. Слушай. Как ты и велел, воины довели меня с ребёнком до хижины отшельника, где я и должна была переждать время. Ты был прав, как всегда, одержимые перебили всех собак, и никто нас не беспокоил.

Ильсура мельком бросила на отца изучающий взгляд, проверяя, как подействовала на него лесть. Фархад сидел, как ни в чём не бывало, казалось, он и не слушал её вовсе.

– Там прожила я несколько дней, за это время ведуны обшарили всё вокруг и в один голос утверждали, что опасности нет, и можно совершить обряд. Мы собрались и направились вдоль побережья в ритуальный обход. Когда же утром второго дня я проснулась, вокруг никого не было. Только я и

ребёнок. Они бросили меня! Твои верные воины меня бросили. Все, до последнего кашевара!

Ильсура затравленно посмотрела на отца, лёгкий озноб потряхивал девушку. Казалось, она вновь переживает кошмар одинокого пробуждения.

– Они не бросили тебя, они все погибли.

– Как – погибли? Почему?

– Теперь это уже неважно. Продолжай.

– Хорошо. Когда я проснулась и увидела, что вокруг нет никого, то первым и единственным моим желанием было вернуться скорей в хижину. Я так и попыталась сделать, но не смогла пройти и сотни шагов, как услышала вой псов. Он доносился со стороны хижины и приближался. Я бросилась бежать. Я не хотела умирать! А то, что ребёнок не сможет меня защитить, я поняла в тот самый миг, как проснулась. А ты это знал всегда, с самого начала! Ведь он не истинный? Ты обманул меня, я не избранная, – Ильсура вновь замолчала, дожидаясь ответа, – ведь я не избранная?

Фархад отвёл взгляд и молвил еле слышно:

– Мне казалось, что это не так уж и важно.

– Не важно. Ты говоришь – не важно? Твоя дочь чуть не погибла, и это не важно? Ты отправил меня на смерть!

– Не говори ерунды, – от мнимой неуверенности не осталось и следа, – я всё продумал. Но я не Фаттах, и я ошибся. Так что с ребёнком?

– Я не знаю. Когда я убежала, наверное, бросила его. Я не

знаю, точнее, не помню, как будто от страха у меня пропала способность мыслить и рассуждать. Я убегала, как животное, бессмысленно и в беспамятстве!

Ильсура вновь замолчала. Нет, она не плакала. Не пристало дочери великого лить слёзы вслед. Но и спокойствие это давалось ценой нелёгкой. Отец плеснул вина в кубок.

– Выпей.

Девушка взяла двумя руками бокал и мелкими глоточками осушила посудину. Поставила на стол и, отстранив от себя, продолжила:

– Я не знаю точно, да тут и знать нечего. Я потеряла ребёнка, выронила на бегу, псы наверняка его разорвали. Это дало мне время, но всё равно шансов у меня не было. Я убегала, насколько хватало сил, а когда звери догнали меня, потеряла сознание. Когда же очнулась, всё было кончено. Этот человек и его помощник разделались с погоней. Я не знаю, как так получилось, но они перебили часть стаи и спасли меня.

– Кто – они? С тобой был один человек, – Фархад встревоженно вглядывался в лицо дочери; в уме ли она?

– Человек был один, но с ним ещё зверь. Я никогда не видела таких зверей. А ещё мне показалось, что они общались между собой, по крайней мере, они понимали друг друга. Это непостижимо, отец, но это так, – девушка сглотнула комок рыданий, перекрывший горло и, помедлив немного, нарочито спокойно заговорила вновь.

– Так вот, они общались друг с другом. И немудрено; че-

ловек этот, грязный и нечёсанный, сам был, как животное. И говорить не мог, издавал какие-то возгласы, не назвать это разумной речью. Единственное, чем он отличался от своего дружка, так это одеждой, прикрывавшей наготу. Но как она воняла! Мне кажется, я вся пропиталась этим зловонием!

Ильсура поднесла руку к лицу и понюхала, смешно сморщив носик. Холодная маска взрослости на миг пропала, уступив место обаянию юности

«А ведь она ещё совсем ребёнок», – подумал Фархад, но мысль не озвучил, продолжая сохранять невозмутимое спокойствие.

– Что дальше, – только и сказал он.

– Едва ко мне вернулась способность мыслить, я пыталась понять, кто он. Вначале я решила, что это – одержимый, причём одержимый в крайнем смысле. Я решила, что он настолько одержим, что даже забыл речь человеческую, – Ильсура, вспомнив что-то, вновь зябко повела плечами, – отец, он снял первородные доспехи пса. И использовал потом, как будто это просто шкура, шкура какого-нибудь презренного животного, – она замолчала, выжидающе поглядывая на отца; не дождавшись отклика, продолжила, – а потом он заговорил. Взял и заговорил. Нёс, правда, чушь несусветную насчёт других людей и городов. У меня голова шла кругом, я уже ничего не понимала. А тут ещё этот амулет. Когда я увидела его, то не поверила глазам. Откуда на одержимом амулет истинного? Может быть, он подобрал его, случайно

оказавшись свидетелем неудачного обряда? А потом в голову мне пришла крамольная мысль. А что, если он – истинный, по какой-то причине не сумевший вернуться в Город. Я сейчас понимаю, насколько безрассудна я была. Но там, среди враждебного мира, одна, под гнётом событий я, наверное, была немного не в себе. Одним словом, я решила проверить. И проверила. Отец, этот человек – истинный сын Оргеня! Он – Газван! А теперь я спрошу тебя. Ты знаешь, кто это? – девушка, замолчав, в упор смотрела на отца, дожидаясь ответа.

Тот медлил. Потом тяжело вздохнул и утвердительно кивнул головой.

– Я знаю, кто это. Если говорить откровенно, я сразу узнал его, как только увидел, несмотря на его вид. И если его вымыть, постричь и сбрить бороду, ты увидишь, что он совсем молод. Моложе тебя.

– Моложе меня? Но тогда и я знаю, кто он. Я была тогда совсем маленькая, но я слышала истории про сына Айгуль.

– Ну и что из того, дочь? Дело было сделано, и прошлое не воротишь. Ты лучше скажи-ка мне, что с ним делать будем. Ведь если прознают! А ты точно уверена в его истинности?

– Да. Собаки не тронули нас. Сбили его с ног и ушли. Какие тут ещё нужны доказательства. И это ещё не всё!

– Что ещё? – Фархад внимательно глянул на дочь; он хоть и не обладал магической силой, умел немало.

По крайней мере, такой пустяк, как прочитать чужие мысли. Лишь мгновение смотрел в глаза дочери, и всё как на ла-

дони. Но и Ильсура, к слову сказать, защиты не ставила. А иначе как знать, смог бы или нет. Ей проще было вот так, без лишних слов и объяснений.

– Значит, вот такие у нас дела? – произнёс Фархад, не произнёс даже, а выдохнул с лёгкой грудной хрипотцой, – и что же, сладилось?

– Пока не знаю, но очень хотелось бы. По звёздам если, так должно получиться.

– По звёздам, говоришь? А если нет? Ты зачем его врагом сделала? Неужели подождать не могла?

– Это сейчас легко рассуждать. Подождать, не подождать. А мне каково было, ты не подумал? А ребёнок? Где он? Как всё объяснить? Если ребёнка не сберегла, то и сама, значит.... Слухи, поди, уже поползли по городу.

– И то верно. Умна ты, моя дочь, умна и хитра. Что же сейчас нам с ним делать? Убрать, да и дело с концом? Нет человека, нет и боли головной. Хорошо бы, но торопиться не надо. А знаешь, что? Давай-ка пока упрячем его поглубже да понадёжней, а убивать повременим. Семя его ещё может пригодиться, а уж каким путём оно попадёт к тебе, так-то не имеет значения. Верно, дочка?

Ильсуру слегка передёрнуло от откровенного цинизма отца, но она тут же подумала, что и в самом деле, какая разница? Главное – цель, а какие средства – не имеет значения!

– Да, отец, ты прав.

– Ну ладно, иди спать, а завтра посмотрим на твоего ис-

тинного и проверим, кстати.

– Ты не веришь мне, отец? – Девушка дёрнулась, как от пощёчины, – и как ты собрался проверять? Отправишь его к псам? А если он уйдёт? Ты даже не представляешь, на что он способен. Отец, он – истинный, и он не знает своей силы. Пока не знает, а она огромна.

– Хорошо, хорошо, дочка, успокойся, ничего проверять мы не будем. Иди спать.

Давно стихла лёгкая поступь дочери, а Фархад всё сидел с кувшином в обнимку. Тёмные мысли будоражили возбуждённый алкоголем и разговорами мозг. Такие мысли, что не поделишься с самым близким и верным соратником, даже если этот соратник – дочь родная.

Под утро встал и направился вон из покоев. Несмотря на бессонную ночь и количество выпитого, содержимое кувшина он таки добил, поступь великого была тверда и решительна. Он шёл плохо освещёнными переходами, не обращая внимания на стражников, которые при виде величавой фигуры резво брали на караул, сбрасывая с плеч невесомые покрывала предрассветной дремоты. Шёл, пока не упёрся в неказистую, изрядной крепости дверь. Её охранял бравый воин. Страж не знал, что за тайна хранится за дубовым створом, для верности крест-накрест опоясанным железными полосами. А ведомо было только одно – пост этот, случись чего, охранять пуще жизни своей. И если смерть на

благо города почётна, то на этом посту она почётна вдвойне. В случае обратном жить всё одно не суждено, вот только кончину придётся принимать позорно, разделяя трапезу со псами. Вернее, быть подношением на этой трапезе. Поэтому стояла здесь не простая серая стража, а элита, никак не ниже копейщиков с алыми шевронами.

Фархад, порывшись в глубине нагрудного кошелька, достал ключ затейливой формы. Ключей таких было всего три. Один у него, второй у двух престарелых хранителей, третий лежал в тайнике, на случай потери вышеупомянутых. Небрежным жестом руки отстранил воина. Тягучий скрип сопровождал каждый поворот ключа. Великий давненько сюда не наведывался, и потому музыка эта была полной неожиданностью. Скривившись, как от зубной боли, с неудовольствием подумал, что Тимур с Тимером, похоже, совсем обленились, и стоит задать им хорошую трёпку.

– А давно сюда заходил кто-нибудь из ветеранов? – спросил он у стражника.

– Каких ветеранов? Я здесь всего второй день, никого не видел, – запинаясь, ответил тот, боясь попасть впросак и чувствуя вину непонятно за что.

– Вызвать ко мне этих старых олухов. Быстро.

– Кого?

– Тимура и Тимера.

Стражник сорвался с места, как будто получил плашмя боевым мечом чуть пониже спины. Сорвался и тут же за-

тормозил, мелко семена сапожищами. Ведь как тут быть-то? Пост оставлять нельзя не при каком случае! Он стоял и с совершенно обалделым видом смотрел на Фархада. Тот вновь поморщился; мол, и это элита – кость те в горло... И спокойно, даже размеренно произнёс:

– Гони до первого на повороте, отдай мой приказ и стрелой – назад. Я дополню караул.

Сквозняк не летает по переходам дворца быстрее. Миг, и топот ног прогрохотал по коридорам, второй – и вот он, стражник, обезумевшим кабаном прёт назад. Не-е, кабанчик-то в памяти, замер, шага не добежав, и браво доложил:

– Исполнено.

Титула не произнёс, не положено. Так что стражник был молодец, традиции даже в перепуге блюл. Фархад хмыкнул удовлетворённо и, прежде чем шагнуть через порог, ещё раз посмотрел на воина. Запомнить, такие шустрые малые всегда могут пригодиться.

За дверью были крохотная площадка и лестница, струящаяся вниз. Факелы, освещающие ступени, горели через раз, и потому сумрак сожрал конец спуска. Казалось, ступени ведут в никуда или, что ещё хуже, в *КУДА*, в тёмную обитель погибших воинов и псов. Великий выбрал из кучи, что хламом проглядывалась рядом с дверью, факел, запалил его и направился вниз, освещая неверным светом осклизлые ступени. Ноги ставил осторожно, хоть и торопился, не хотел сверзиться вниз. Как ни долог был спуск, но и он закончил-

ся. Вновь – небольшая площадка и дверь, точь-в-точь такая же, как наверху. Она и ключом отпиралась тем же. Вновь надсадный скрип, и вот, приложив толику усилий для отворота, Фархад шагнул вперёд. Шагнул и оказался в небольшой келье – каменном мешке без окон. Свет давал один единственный светильник, смрадно чадивший в недостижимой для человека высоте. Благо, хоть отдушина была, широкий зев свой разъявила в центре потолка. Капала из неё какая-то мерзость, капала и, скопившись лужицей на каменном полу, стекала зловонным ручейком в приямок возле стены. Он, похоже, служил отхожим местом, потому как воняло – не передать словами; приямок же этот уходил в дыру под стеной. Даже не дыру, а дырищу, и несло из неё соответственно. Вонючий и сырой воздух промозглой кисеей ложился на лицо и одежду. В дальнем углу на небольшом помосте кто-то зашевелился. Насмешливый, с хрипотцой голос медной монетой цокнул о камни каземата.

– Фарх, ты ли это? Ну, проходи поближе, гость редкий, но желанный.

Фархад бросил свой факел в приямок; тот зашипел, негодую, и, стрельнув белесой струйкой пара, умер. В углу зловредно хмыкнули. Великий постоял ещё немного, привыкая к неверному свету, и направился к помосту.

– Я думал, ты умер, – вместо приветствия произнёс он.

– Думал или надеялся?

Говоривший худ был до чрезвычайности. Худ и наг. На

нём совершенно не было одежды, которая могла бы хоть как-то скрыть немощь узника. Грязная кожа туго обтягивала костяк, грозя порваться на выпирающих мослаках.

– А ты всё играешь словами? – Фархад присел на край помоста, служившего страдальцу топчаном.

Лежанка эта была огромной деревянной колодой, наспех обработанной нерадивым плотником. Неровная, бугристая поверхность её, отполированная до блеска телом узника, сыто блестела в неверном свете далёкого огонька.

– Играю, ведь больше нечем, – заключённый с трудом приподнял иссохшее тело и, спустив ноги вниз, присел, стараясь держаться прямо, – пришёл зачем?

Мотнул головой, откидывая сальные сосульки волос, и посмотрел в глаза, настойчиво посмотрел, без страха. Фархад взгляд выдержал и не торопясь полез в кошель. Пальцы его, на вид такие неуклюжие, шевелясь, как толстые черви, покопались немного и достали амулет. Великий отвёл руку в сторону и, как бы любуясь изящными линиями оберега, держал паузу. Узник, мельком глянув, вновь опустился на топчан и даже глаза прикрыл равнодушно.

– Узнаёшь? – Голос Фархада дрогнул, выдавая волнение.

– Узнаю, – ответил и даже глаз не открыл, – ты пришёл зачем?

– Ребёнок-то, похоже, выжил.

– Как – выжил?

Истощённое тело, подброшенное невероятной пружиной,

казалось, взлетело над колодой. Взлетело и с сухим костяным стуком приземлилось рядом с вельможей. Рука вцепилась в плечо. Да нет, вцепилась – сказано слишком сильно. Все силы доходяги ушли на этот невероятный прыжок, потому пальцы только слегка сжали бархат халата. Сжали и, бессильно цепляясь изломанными ногтями, соскользнули. Тело мешковато посунулось, и узник завалился боком. Сознание не потерял, но был не далек от этого.

– Как выжил? – Уже тише повторил вопрос, – ты уверен?

– Не знаю. Но хочу узнать. Ты мне поможешь?

– Чем я тебе могу помочь? Я человек без будущего и без прошлого, без имени и даже вот без одежды. Я даже не нищий, я – никто. И всё благодаря тебе! Ты бог мой и мой палач. Так чем я могу помочь тебе, о всевышний?

– Не юродствуй. Да, у тебя нет ничего, но ты богаче меня – ты ВИДИШЬ. И ты сможешь разглядеть, кто перед тобой. Ну, так что, ты хочешь посмотреть на этого человека?

Узник помедлил чуть, как бы раздумывая, но глаза его радостно сверкнули, обнажая потаённые мысли. Поняв, что выдал себя, он утвердительно кивнул головой. Фархад встал и направился к выходу, на пороге обернулся.

– Я скажу, чтобы тебя помыли и покормили как следует.

– И пускай принесут одежду и жаровню. Не бойся, я не воспользуюсь огнём, ни к чему. Оргень давно мёртв.

– Что ты сказал? – Великий, обернувшись, застыл нелепой статуей.

– То и сказал. Оргень мёртв, и уже давно. Неужели ты не увидел? Пускай ты слепой, но даже слепец не может не заметить перемен. А поэтому прикажи принести жаровню и одежду. Прятать от меня огонь теперь уже ни к чему.

– Поклянись! – слова с трудом вырывались из враз пересохшей гортани.

– Хорошо. Брось мне амулет, и я поклянусь на нём.

Фархад сделал шаг к топчану, покачнулся, как будто страшное известие непосильным грузом легло на плечи. Ухватившись за дверь, с трудом сохранил равновесие. Посмотрел на узника. Тот, полулёжа на своей колоде, ждал.

– Ну, что же ты? Бросай.

Рука плавно пошла вперёд, и амулет золотой звездой полетел через склеп. Бросок не удался; оберег не достиг цели, упал рядышком с отхожим местом. Всё та же чудо-пружина метнула живой скелет с топчана. Рухнув на камни пола, нисколько не заботясь о состоянии худосочной своей плоти, он устремился к цели. Боком проехав по склизким камням, схватил в горсть амулет и прижал к груди. Приподнялся на свободной руке, пополз к стене. Прислонился, прижался к граниту глыб и, голову подняв, посмотрел на Фархада. Губы раздвинул в пёсьем оскале.

– Ну, вот ты и попался, Фарх. Сочтёмся, брат?

Великий жрец почувствовал, как противная слабость легла на плечи, судорогой скрутила желудок и покрыла тело мерзкой влагой кельи. Это продолжалось мгновение. Воин

сжал в кулаке труса; сжал, и липкий студень страха протёк между пальцев. Фархад отёр ладонь о тёмный бархат, посмотрел на узника.

– Сочтёмся, Фаттах.

– Вот ты и имя моё вспомнил. Глядишь, скоро вспомнишь, что я брат тебе. Ну да ладно, – узник поднёс амулет к губам, поцеловал его, – я клянусь памятью об Оргене; говорю, умер он, и развеян прах его между звёзд.

Силы оставили Фаттаху; он завалился на бок и на этот раз точно потерял сознание. Жрец подошёл к брату и, взяв на руки невесомое тело, отнёс его к топчану. Аккуратно уложил и попробовал разжать пальцы, высвобождая амулет. И у него точно бы получилось, но дружный топот отвлёк. Мешая друг другу, в узость проёма протиснулись два ражих старика. Протиснулись и грохнулись на колени, вымаливая пощаду.

– Встаньте, олухи, – Фархад уже полностью владел собой, и потому голос его ничуть не дрожал.

Стражники вскочили и преданно ели господина глазами.

– Пленника накормить, напоить, помыть. Только не вздумайте выводить его отсюда! Или впускать кого сюда. Сами всё принесёте, и лохань, и жаровню. Да постель ему постелите. И ещё, приберите здесь, а то воняет, не приведи Оргень!

Он споткнулся словом, упомянув Оргеня. Споткнулся, но тут же продолжил.

– Всё ясно?

Тимур и Тимер радостно замычали, кивая седыми голо-

вами. Они знали, если хозяин не наказал сразу, значит, пронесло. Фархад был крут и на расправу быстр, но никогда не оставлял на потом.

Великий, не мешкая более, направился вверх по лестнице. Старики эти верны были и надёжны, проболтаться во хмелю не могли, потому как были немые. Они лишились языков, по странному совпадению получив одинаковые ранения в голову, во время бойни в трущобах города. Тогда подавляли бунт последователей Инада. Тот, кстати, тоже утверждал, что Оргень умер. Но одно дело какой-то Инад, и совсем другое дело Фаттах – зрячий!

Выбравшись из подземелья и ступив под арочные своды перехода, Фархад проследовал в покои. Конечно, не мешало бы посмотреть на странного провожатого дочери, но усталость бессонной ночи притупила чувства. А в таком деле торопиться не следует, лучше повременить. К тому же его не покидало ощущение лёгкой тревоги. Он не был зрячим, как брат, но долгие годы обучения и тренировки не прошли даром. Вот и сейчас он буквально кожей ощущал – грядут перемены. И что они несут городу, это одному Оргеню известно. Которого, если верить Фаттаху, и нет уже! Да и как тут не поверишь, ведь не смог брат воспользоваться силой амулета! Не смог или не стал?

«А что же Верховный? Он что, не видит?» – поражённый внезапной крамольной мыслью, Фархад застыл на мгновение, – «Да нет, не может этого быть. Или может?»

Укладываясь на широкой постели, он громко приказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ильсура проснётся, разбудите, – и тут же провалился в темноту.

Казалось, вот только голова коснулась подушки, и смежились веки, а уже кто-то осторожно потряс за плечо. Фархад открыл глаза. Дочь, присев на краешек постели и забавно склонив голову набок, ожидала полного пробуждения.

– Мне сказали, что ты приказал разбудить, как только проснусь. Ну, я и разбудила.

– Хорошо. Умница. Ну что же, сейчас перекусим и пойдём знакомиться с твоим спасителем.

Тревожные огоньки вспыхнули в глазах девушки. Вспыхнули и тут же погасли, затенённые бархатом ресниц. Она лишь тихонько выдохнула:

– Хорошо, отец.

Трапезу закончили быстро. Не в привычке Фархада тянуть время, ну а Ильсура была вся в него. И вот уже отец и дочь в сопровождении стражников проследовали к камерам. Старший ключник темниц, прознав о визите, бежал встречать высокопоставленных гостей. Не добежав пару шагов, остановился и ожидал, согнув спину в глубоком поклоне.

– Где у тебя находится вчерашний постоялец?

Фархад не стал произносить – отверженный, не к чему будоражить чернь; да и дочь, несмотря на напускное спокой-

ствие, нервничала.

– В отдельной камере, во избежание чего. Слухи у нас быстро распространяются. Мало ли что; у нас хоть и преступники, убийцы там или ворьё, а всё же, хвала Оргеню, обычаи блюдут.

– Хорошо. Молодец. Ну что же, веди, показывай, – великий жрец благодушно потрепал ключника по плечу.

Тот сорвался с места и, мелко семеня кривоватыми ногами, поспешил впереди, спины так и не разогнув. Похоже, и не поклон это был вовсе, а немощь телесная. Войдя в полутёмный каземат, они направились вдоль зарешечённых клеток. Свету было чуть; он поступал из узких окошек, часто забранных толстыми металлическими прутьями, да от пары факелов, что висели в начале и в конце коридора. Камер было немного. В городе преступников не жаловали и считали лишним зря на них тратить еду. Отпетых головорезов сразу ждали верёвка или топор палача. Мелкую сошку отправляли на каторжные работы.

Немногие узники, ожидавшие свою участь, при виде великого жреца и его дочери вставали с топчанов и, прижавшись вплотную к решётке, провожали процессию восторженными взглядами.

– Отдайте нам отверженного, – одинокий крик вспорол тишину каземата.

Вспорол и утонул в многоголосом вопле. Заключённые в неистовстве принялись трясти решётки, выкрикивая од-

но-единственное слово:

– Отдайте, отдайте. У-у-у.

Ключник что-то крикнул, неразличимое в диком хоре, махнул рукой и тут, неведь откуда, появились дюжие тюремщики. Вынырнув из сумерек каземата, они принялись стегать по решёткам кнутами. Причём так искусно, что острые жала бичей доставали сквозь прутья, оставляя кровавые рубцы. Миг – и тишина, лишь жалобный скулёж да обиженный шёпот. Подручные ключника пропали так же таинственно, а он, как ни в чём не бывало, повёл процессию дальше.

– Молодец, – во второй раз похвалил его Фархад.

– Вот здесь, – тонкая кисть указывала на одинокую дверь в конце коридора.

Дверь эта, в отличие от прочих, была сплошной, с небольшой дверкой посередине, похоже, кормушкой.

– Прикажете открыть? Он в сознании, если что, я с утра смотрел. А то ведь приволокли – труп трупом, вот я и беспокоился, – ключник принялся перебирать ключи на связке, выискивая нужный.

Великий посмотрел на дочь. Та прикусила губку и с некоторой опаской следила за действиями старика.

– Погоди немного, не открывай. Нет ли возможности посмотреть на него, чтобы он нас не видел?

– Почему нет, есть, извольте за мной. Вот только там места мало, все не поместятся.

– Всем и не надо. Стража, на караул.

Бравые гвардейцы, вытянувшись в струну и поставив у ног копыя, застыли каменными истуканами, слегка украсив мрачность подземелья. Ключник нажал камень в стене, и огромная глыба в тупике коридора плавно пошла в сторону. Фархаду пришлось нагнуться, протискиваясь вслед за юрким проводником, дочь безропотно шагнула за ним. Несколько шагов, и вот они оказались в небольшой конуре, вырубленной в каменном массиве.

– Ну вот, мы на месте. Не беспокойтесь, он нас не видит и не слышит. Смотрите сюда, – тюремщик рукавом стёр толстый слой пыли с серого, на первый взгляд, камня.

Стёр, и в конуре стало сразу светлее. Казалось, камень засветился тусклым светом. Ан нет, он просто пропускал свет факела, что горел в камере. Видно было плоховато, так, нечёткий контур человека, сидящего на краю лежанки.

– И это всё? – Фархад недовольно посмотрел на старшего ключника.

– Всё, к сожалению, – тот виновато развёл руками.

– Придётся открывать камеру, – жрец развернулся и вышел наружу.

Ключник торопился сзади. Ключ он нашёл загодя и, не мешкая ни на миг, скоро открыл дверь. Ухватился за ручку и потянул на себя. Старшина караула что-то рявкнул, стражники сделали несколько шагов и окружили жреца с дочкой плотной стеной ошетилившейся сверкающей стали. Отрадно глазу было наблюдать за этими слитными, чёткими дви-

жениями.

– Отставить, мы так ничего не разглядим!

Великий жрец воином был опытным, ему ли бояться дикого оборванца. Уж за себя постоять и дочь защитить он сможет без особых хлопот. Старшина опять рывкнул недовольно, отстраняя стражу, но сам остался рядом, держа копье наизготовку. Даже среди копейщиков с алым шевроном он считался непревзойдённым мастером в деле метания копья, так что шансов у бедного узника не было вовсе.

А тот ничего и не предпринял, лишь только поднял голову да мельком глянул на вошедших. Небрежно мазнув взглядом, остановил глаза на Ильсуре. Недолго смотрел на неё, сплюнул презрительно себе под ноги и вновь голову опустил.

Девушка дёрнулась, как будто звонкая оплеуха пришлась по атласной щеке. Дёрнулась и, прижав к груди сжатые в судорожные кулачки руки, задышала часто.

– Пойдём. Делать нам здесь нечего, – Фархад уверенным голосом прервал неловкость паузы.

Неспешно пошёл прочь, стража двинулась следом. Ильсура на миг замешкала у порога, но старшина службу правил с толком, прихватил аккуратно под остренький локоток и повёл следом за отцом. Ключник мигом запер дверь и догнал процессию у выхода. Забежал вперёд и почтительно замер в неизменном своём поклоне, провожал, значит.

– На казнь кто-нибудь есть? – Остановился возле него жрец.

– Есть, трое. Два убийцы и насильник.

– Когда?

– На новый месяц, как обычно. Это значит, через, – он быстро посчитал, загибая пальцы и шлёпая губами, – значит, через три дня.

– Этого тоже казнить. Я пришлю Тимура с братом, они возьмут его на пару дней, попрошают. А потом вернут, и он – твой, – Фархад величаво повернулся и вышел вон.

У Ильсуры хватило сил пройти следом; лишь только в покоях отца она обессилено опустилась на скамью. Облокотившись на стол и сжав голову ладошками, девушка бездумно смотрела на замысловатые завитки столешни.

Отец отлучился, отдавал за дверью какие-то распоряжения. Ей было не до того. Для неё время остановило свой бег, и в голове крутилось одно единственное роковое слово. Казнить! Она раньше никогда не задумывалась, насколько это страшное и необратимое слово.

Отец вернулся и, помешкав немного, с глухим стуком поставил на стол серебряный кувшинчик и два серебряных же миниатюрных бокальчика. Присел рядом, налил из кувшина прозрачную жидкость. В воздухе явно потянуло резким винным запахом. Один бокальчик протянул дочери.

– Выпей.

– Что это?

– Лекарство. Выпей, оно помогает забыться.

Ильсура послушно пригубила. Обожгло рот, пламенем

прошлое по горлу. Она судорожно глотнула и зашлась в кашле. Слезы, сопли, всё смешалось в злом приступе. Девушка насилу отдышалась и с опаской отодвинула от себя бокал.

– Отец, почему ты решил его казнить? Что он сделал? Ведь мы всё продумали.

– Не он, девочка. Ты.

– Я? Что такого я сделала, что ты поменял решение?

– Этот человек небезразличен тебе. И пускай это не любовь, кто знает, что будет завтра. Я не намерен рисковать.

– Небезразличен! Чушь, мне наплевать на него.

– Наплевать! Ну, тогда у тебя тем более нет причин для беспокойства. Не так ли?

Ильсура смотрела на отца, мучительно пытаясь подобрать, выискать нужные слова. Он вдруг стал двоиться, тротиться, комната закрутилась в хороводе. Столешня встала на дыбы и понеслась навстречу.

Глава 3

Хват, покачиваясь, сидел на краю топчана. Иногда он срывался и метался по келье, потом вновь усаживался на одно и то же место. Заскрипел ключ в замке. Он знал, что это не Ильсура, как и в прошлый раз знал, что за дверью она. И только это знание дало ему время подготовиться, чтобы достойно перенести встречу, встречу с ней. Потому как осталь-

ных для него не существовало, были только он и она – предательница.

Жизнь не баловала его и на подарки скупилась. Но тогда он хотя бы не ждал лучшего и был всегда начеку. Но сейчас!

Ключ заскрипел, и дверь подалась в сторону. Два ражих старика друг за другом вошли в камеру. У одного в руках бренчали кандалы, другой держал копьё. Остановились, посмотрели друг на друга. Тот, который с копьём, мыкнул что-то и шагнул на пару шагов в сторону. Второй направился к Хвату; неспешно, вразвалочку, как тот медведь у солонца, и чувствовалась в нём такая же медвежья сила и ловкость. Во втором, кстати, тоже. Нет, Хват не испугался; ещё недавно, окажись в подобной ситуации, он бы попробовал. Но не сегодня, сегодня – случай не тот. Жить не хотелось! Коль всё вот так, то – зачем?

Старик приблизился и, встав на колени, принялся ладить ножные кандалы. Глаз с узника не спуская, делал всё на ощупь, ловко так делал. Закончил с ногами, потом замычал повелительно, потрясая ручниками.

– Ты чего мычишь, бычара?

В ответ старик закричал нечленораздельно, свирепея. Хват увидел, как в чёрной дыре рта ворочается куцый обрубок языка. Увидел и руки протянул перед собой. Ручники защёлкнулись с лёгким звоном. Стражник встал с колен и дёрнул головой в сторону двери, пошли, мол. Хват поднялся, неуклюже переступая скованными ногами, последовал за

ним. Гадская цепь была настолько коротка, что приходилось семенить, с трудом поспевая за стариком. Тот, правда, особо не торопился. Медленно, вразвалку, как и положено косматому владыке, шёл по галерее. Второй старик бухал сапожищами сзади. Так они и проследовали неспешно мимо одиноких стражников. Те молча провожали процессию враждебными взглядами. Один не выдержал и, похоже, нарушая этикет, злобно процедил:

– Тимур, что он плетётся у тебя еле-еле. Подгони копьём урода, оно тебе зачем? И зря...

Хват не видел, что там произошло за спиной. Он только услышал лёгкий щелчок да прерывистый вздох, и всё. Говоривший поперхнулся, проглотил конец фразы. А сапоги сзади, ни на миг, не сбившись с неспешного ритма, всё так же бухали о плиты пола.

Окованная железными полосами дверь обозначила конец пути. Стражники, охранявшие её, расступились, давая дорогу. Щёлкнул замок, и дверь, отворяясь, обнажила проём. Шагнули вовнутрь; оказалось, это ещё не конец. Лестница, круто сбегая вниз, грозила неприятностями. Хват остановился у края площадки, примеряясь. Нет, с такой короткой цепью лестницы ему не осилить. Сопровождающие с полным пониманием оценили проблему. Помычав немного, помогая себе в решении непростой задачи усиленной жестикуляцией рук, они быстро пришли к согласию. Старик нагнулся и кандалы снял, встал во весь рост и погрозил Хвату сжаты-

ми в огромном волосатом кулаке оковами. Мол, ты смотри у меня. Парень пожал равнодушно плечами и принялся спускаться вниз. Ещё одна дверь, и вновь неспешная возня с запором. Вот теперь уж точно конец пути.

Хват ожидал увидеть пыточную камеру, где его будут истязать за неизвестные ему грехи. Келья была мрачноватой, но на мастерскую палача не тянула. Как не тянул на пыточных дел мастера человек, напряжённо смотревший на посетителей. Вероятно, сам он был узником каменного мешка. Дверь за спиной хлопнула, и они остались один на один.

– Подойди поближе, юноша.

Хват шагнул вперёд.

– Ещё ближе, не бойся.

– Да я и не боюсь, – парень подошёл вплотную к узнику и, чуть помедлив, сел на край топчана, звякнув кандалами, руки положил себе на колени.

– Что ж это они наручные не сняли?! Всё боятся.

Как будто услышав его слова, дверь заскрипела, и старики явились вновь. Один всё так же, с копьём, второй держал в руках необъятный поднос со снедью. Как он умудрился спуститься с ним по лестнице, можно было лишь догадываться. Поставив поднос на лежанку, стражник промычал что-то дружелюбно, отомкнул ручники и, схоронив улыбку в усах, ушёл. Второй тенью последовал за ним. Запах от подноса шёл ну просто неопиcуемый. Хват искоса глянул на яства и судорожно дёрнул кадыком, проглотив слюну.

– А давай-ка мы с тобой поедим, пока не остыло. Ты располагайся поудобнее, насколько позволяет обстановка.

Хват не заставил себя просить во второй раз. Всё же голоден он был изрядно, его сосед тоже. Одним словом, с едой они расправились шустро. Сосед после сытной трапезы повалился на спину и, казалось, заснул. Хват, пользуясь случаем, постарался рассмотреть его получше. Одежда, скроенная из грубой ткани, не могла скрыть пугающую худобу узника. Широкий ворот рубахи обнажал костлявую грудь с выпирающими ключицами. Глубоко провалившиеся глазницы, острый нос, скулы, обтянутые пергаментом кожи. Про таких говорят, мол, краше в гроб кладут.

– Ну что, рассмотрел? – Не открывая глаз, спросил незнакомец.

– Рассмотрел.

– Тогда давай знакомиться, – узник открыл глаза и, потянувшись, с трудом сел и даже поморщился еле заметно.

– Итак, мой друг, меня зовут Фаттах. Как ты уже понял, я жилец этих каменных палат.

– Ну, а меня зовут люди Хватом.

– Нет, не Хват! Ты – Газван.

– Кто - о?

– Это узнаёшь?

Фаттах пошарил в изголовье постели и явил на свет амулет, держал его на вытянутой руке и с задумчивой улыбкой смотрел на парня.

– Узнаю. Он – мой!

– А откуда он у тебя, знаешь?

– Меня с ним нашли, когда я был совсем маленьким.

– Кто нашёл? Где? Впрочем, мы поговорим об этом после.

Тебя, наверное, терзают тысячи вопросов.

– Да! Я в последнее время вообще ничего не понимаю, – Хват обиженно, как-то по-детски посмотрел на собеседника, обида сменилась надеждой, – ты знаешь, кто я? Ты знаешь, откуда у меня этот оберег? Расскажи!

– Ну, с амулетом всё просто, это моя работа. Я изготовил его ко дню твоего рождения. Чтобы мне как-то разъяснить остальное, наберись терпения. Это долгий рассказ. И прежде, чем начать его, я хотел бы вернуть тебе амулет. Наклони голову!

Узник выпрямился, торжественно надел на шею Хвата оберег и, отстранившись, с гордостью посмотрел на парня. Прозрачная слеза побежала по впалой щеке, но он быстро справился с накатившими чувствами.

– А теперь слушай, я начну издалека, – Фаттах прилёг, задумчиво глядя в потолок.

– Откуда мы начинаем свой род, не знает никто. Тайна эта теряется в глубине веков. По этому поводу существует много сказаний и легенд, но они не выдерживают никакой критики. Одно доподлинно известно: была великая цивилизация. Люди достигли многого. Они стали равны богам. Почти.

И был великий мор. Почему? Сейчас уже никто не знает.

И знать не может, так, гуляют досужие вымыслы. Кто-то думает, что это наказание за гордыню, кто-то иначе рассуждает... Не будем сейчас об этом.

После великого мора те, кто сумел выжить, остатки великих племён, разбежались в разные стороны, подальше от страшного места. Эти несчастные были дики и беззащитны. Они позабыли знания своих великих предков, они утратили навыки и умения. Подобно диким животным бродили они под предводительством вожаков. Те недалеко ушли в своём развитии, такие же злобные и трусливые существа, может быть, чуть сильнее или хитрее соплеменников.

Постоянный голод и страх перед хищниками делали жалким существование людей. Особенно нашим предкам досаждали дикие псы. Собаки! Они мало в чём уступали людям, да что там говорить, во многом превосходили их. Собаки относились к людям с непонятной ненавистью. Казалось, цель, смысл существования собачьего рода были в одном – уничтожить людей. С чем они неплохо и справлялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.